

И. КАЛИНОВСКИЙ

Скандальный случай с мистером Скоундрэлом

Рассказ-памфлет

Рисунки В. ДУВИДОВА

ВЫ могли бы усомниться в этой истории, но вся штука происходила на Пайрид-стрит и в центральной экспериментальной лаборатории «ВЕКАЭМ» — Всеобщей компании электрических машин, то есть, иными словами, на моих глазах.

К слову сказать, бедняга Грендфул незадолго до этого рокового случая отпраздновал свой десятилетний служебный юбилей.

Впрочем, вам, как и всякому другому любителю таких вот историй, захочется узнать все по порядку и обязательно с самого начала.

Сейчас, после официального расследования специальной комиссии государственного департамента, я могу говорить об этом только конфиденциально, с глазу на глаз.

Джонни Грендфул поступил на работу тотчас же после колледжа, который оставил по собственному желанию, после ссоры с ректором.

В нашу лабораторию его привела главным образом ненасытная страсть к бесконечным экспериментам. Это

у него осталась от детских игр и, как говорил он сам, после посещения их квартиры монтером, чинившим звонок. Электромагнитные катушки были теми феями, которые увели восторженного мальчишку в заколдованный лес экспериментальной электротехники.

Если бы не его выдающиеся способности в области экспериментов — точнее, их технической подготовки, поверьте мне, он бы давно вылетел со службы.

Дело в том, что это был совершенно незаменимый для опытов человек с готовой репликой «попробуем», от которой профессор Гелоу приходил в восторг.

Ему даже простили то, что в неслужебное время он делал свои опыты. Вечерами, когда все, кроме дежурного лаборанта, расходилось по домам, я не раз был свидетелем бурной и вдохновенной деятельности моего друга.

В тот вечер, когда началась заваруха, я читал в большом зале увлекательный комикс и жевал сэндвич, заботливо положенный моей Меги в карман куртки. Было мое ночное дежурство.

Верный себе Грендфул вдохновенно собирал какую-то новую фантастическую схему, произвольно включая в нее целые узлы из чужих установок. Насколько помнится, она начиналась и кончалась одинаковыми специальными камерами типа «магнитной бутылки», в которой действовало силовое поле большой мощности. Сложная цепь трансформаторов, конденсаторов и частотных усилителей, электронных и полупроводниковых выпрямителей протянулась через весь зал лаборатории. Это была необычайная импровизация — винегрет из экспериментальных машин.

Теперь представьте себе: сутуловатый Джонни, разинув от удивления рот, смотрит через глазок на внутреннее пространство первой магнитной камеры. Вот таким он и запомнился мне в знаменательный момент открытия «эффекта Грендфула».

Выражение его лица бросилось мне в глаза, когда я случайно оторвался от страниц детективного романа. Помню даже фразу, на которой я прервал чтение: «Джо повис над пропастью, сжимая в зубах отравленный стилет...»

— Что ты видишь там, Джонни?

— Она наполовину растаяла, — озадаченно произнес мой друг.

— Кто растаял? — снова спросил я, почувствовав легкое любопытство.

Джонни загадочно молчал, как бы не расслышав вопроса. Он даже не обратил на меня внимания, пока я не подошел и не взглянул с противоположной стороны во второй глазок камеры. В поле зрения, как на предметном стекле микроскопа, лежала... половина

логарифмической линейки «Пифагор», и эта оставшаяся половина таяла и исчезала прямо на глазах!

Мы молчали, пораженные необычным явлением, которое наблюдали одновременно.

— Смотри-ка, вот и движок пропадает. — сказал глухо Джонни.

И тут мы оба вскрикнули: линейка окончательно исчезла с блестящего круглого дна камеры.

— Куда же она делась? — все так же глухо спросил Джонни и направился вдоль всей цепи приборов, словно разыскивая что-то.

— Кид, — закричал он из другого конца зала, — она здесь, во второй камере, и цела-целехонька!

Это был не крик, а исполненный изумления вопль, в ответ на который я бросился со всех ног к моему долговязому другу, чтобы тут же прилипнуть к стеклянному глазу: на точно таком же блестящем круглом днище лежала исчезнувшая минуту назад линейка, тускло поблескивая металлической оправой движка. Еще несколько секунд, и Джонни выключил всю установку, а затем выровнял давление и поднял колпак. Механическая рука — манипулятор — осторожно схватила линейку и передала ее наружу. Мы оба имели возможность убедиться в том, что это была именно та, забытая в первой магнитной камере, собственная линейка Джонни: об этом свидетельствовало коричневое пятнышко от неосторожно положенной сигареты хозяина.

Неугомонный бес экспериментатора, сидевший внутри моего друга, заставил его повторить весь опыт сначала. Вслед за линейкой последовал портсигар из крокодиловой кожи, десятицентовая монета, целлулоидовый воротничок и, наконец, стакан чая с ложкой и блюдцем.

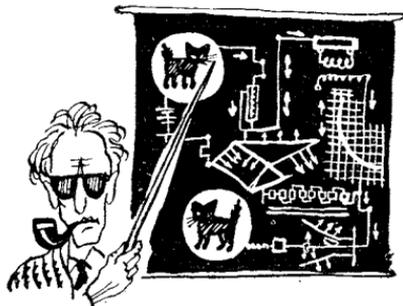
Согласитесь со мной, все это походило на фокусы, которые показывают в цирке ловкие молодцы в масках, с подстриженными усиками, облаченные во фраки.

Но когда Джонни, похожий в эти минуты на одержимого, сунул под колпак серого котенка, я, должен вам признаться, был почти уверен, что мой приятель спятил.

Мы оба припали к смотровым стеклам — и снова увидели чудо; котенок как бы оцепенел и вдруг стал таять, словно видение сна.

Я не верил своим глазам, но вскоре вынужден был признать поразительный результат эксперимента: котенок, живой комочек плоти, появился во второй камере и, как только приподнялся колпак, тотчас же спрыгнул на пол.

Мы не заметили, как подкрался ранний весенний рассвет, и пришли в себя от звонка уборщика Майка.

Пока Майк возился с пылесосом, Джонни быстро наносил на лист бумаги схему экспериментальной расстановки оборудования. Он очень торопился, так как через час должны были прийти наши коллеги — лаборанты. Как сейчас вижу капельки пота на его верхней губе и бегающую по бумаге худую руку с длинными пальцами музыканта...

— Феноменально, черт побери! — эти слова произнес профессор Гелюу, когда сам убедился в реальности эксперимента. Нужно сказать, что Джонни посвятил старика в свое «чудо», как только тот переступил порог лаборатории.

Очевидно, профессор сразу оценил всю важность открытия и тут же объявил о том, что обычная работа лаборатории на время прекращается, а служащие, кроме строго ограниченного числа лиц, распускаются по домам. После этого старший ассистент профессора Гелюу зачитал вслух короткий список сотрудников, которые должны были остаться для продолжения опытов.

Я помню разговор Гелюу с ассистентом.

— Вы понимаете что-нибудь в этой чертовщине, Джорджи? — начал профессор. — Здесь мы имеем дело в некотором роде с транспортицией материи! Обратите внимание на колоссальную разность потенциалов, дружище, — она и есть причина явления. Природа, знаете ли, не терпит пустоты. Интересно, что в гениальный импровиз Грендфула вошли главные принципы трех наших экспериментальных тем: исследование волновых функций дебройлевских волн, исследование взаимопревращений частиц и прошлогодняя работа по возбуждению мощных направленных электромагнитных полей. Так вот—это были детские шаги, мой милый!

Ассистент молчал, очевидно пытаюсь уяснить себе приблизительную сущность явления.

— Удивительно то, что регенерация материи протекает без нарушения жизнеспособности клеток, — задумчиво продолжал Гелюу, обращаясь на этот раз к самому себе.

В тот день нас заставили работать до десяти часов вечера. Мы валялись от усталости и на ночь разместились прямо на столах.

Вход в лабораторию охранялся специальным нарядом полиции.

В полночь профессор Гелюу говорил с генеральным директором компании «ВЕКАЭМ» мистером Скоундрэлом, который находился в деловом центре штата Нью-Генкс, где должен был баллотироваться в сенат.

Утром мистер Скоундрэл прилетел на специальном самолете и тотчас появился в большом зале, чтобы лично удостовериться в реальности открытия. Вместе с ним пришли и другие члены правления компании «ВЕКАЭМ».

Вся цепь приборов, составленных по волшебной схеме

Грендфула, была предусмотрительно закрыта непроницаемыми чехлами.

Репортеры газет, эти ищейки прессы, каким-то сверхъестественным чутьем унюхали сенсацию и с утра осадили помещения лаборатории. Некоторые пытались проникнуть через чердак, перейдя к нам по крышам соседних домов. Короче, лаборатория была блокирована. Мы лишились возможности бывать дома и питались обедами, которые нам доставляли из соседнего ресторана.

Весть о чудесном открытии здорово подняла техническую репутацию компании, а вместе с ней и деловую репутацию директора.

Само собой разумеется, что акции «ВЕКАЭМ» скакнули на сказочную высоту.

Теперь можно утверждать: все, что случилось, связано с избирательной кампанией. Не будь ее, нашему президенту не пришла бы сумасшедшая мысль о собственной сверхрекламе. Он был чертовски честолюбив и как только убедился в возможности передачи на расстояние физических тел — тут же подумал об эффектном избирательном трюке.

Уже через несколько дней наш опыт вышел далеко за стены лаборатории: хвостовая часть установки была помещена на другом конце города. При этом в схему включили дополнительное устройство для направленной передачи атомов в магнитном поле без проводников: оборудовали станцию приема.

Кроме того, Гелову, который возглавил все работы, увеличил мощность силовых полей и расширил габариты камер.

После переоборудования мы сразу же стали передавать на расстояние пятнадцати миль сначала мелкие физические тела, а потом большие: письменный стол начальника лаборатории, шкаф для книг и, наконец, большого датского дога, принадлежавшего профессору Гелову.

Все шло благополучно, и практические результаты открытия не оставляли сомнений.

И вот наступил канун того рокового дня, когда мистер Скоундрэл должен был выступить перед своими избирателями в деловом клубе города Нью-Генкса.

Именно в это утро он и принял решение предстать перед своими избирателями, как новый Феникс и без помощи обычных средств транспорта.

Уже днем в Нью-Генкс был отправлен специальный поезд с хвостовой приемной установкой.

Весь день радиостанции оповещали мир о предстоящей сенсации: мистер Скоундрэл обещал своим избирателям предстать перед ними в Нью-Генксе, преодолев тысячекилометровое расстояние между городами со скоростью света.

В столице и в Нью-Генксе должны были присутствовать две свидетельские комиссии из представителей научных кругов и прессы. Кроме того, пригласили представителей церкви и городских властей обоих городов.

Наутро весь квартал, где находилась лаборатория, увесили флагами и оцепили специальными отрядами полиции. В воздухе кружили вертолеты с телепередатчиками и детективами.

В главном операционном зале мигали многочисленные разноцветные сигнальные лампочки. Шли непрерывные репетиции предстоящего сенсационного опыта.

Мы с Джонни чертовски устали за эти дни, и о нас на время забыли, как забывают о тех слугах, которые сервируют стол для торжественного банкета.

Вообще вся слава должна была достаться директору-президенту и профессору Гелюу.

Ровно в пять к зданию лаборатории подкатил блестящий трехсотсильный лимузин директора, окруженный эскортом мотоциклистов.

Мистер Скоундрэл был облачен в безукоризненный смокинг, и его лакированный ботинок прямо из автомобиля ступил на бархатную дорожку, проложенную к подъезду. Мистер Скоундрэл проследовал сквозь живой коридор людей вплоть до великолепного кресла, установленного под поднятым прозрачным колпаком отправной установки.

Я все это видел собственными глазами, сопровождая директора-президента как техник-оператор.

— Скажите им что-нибудь, мистер Скоундрэл! — обратился наш профессор к патрону, показывая жестом руки в сторону представителей прессы.

— Джентльмены! — Директор приподнял свой цилиндр. — Вы присутствуете при величайшем событии нашего века. Я намерен показать вам и своим избирателям, что для современной науки не существует преград в пространстве и времени. То, что вы увидите сейчас, по праву может быть названо чудом. Возьмите же хронометры и засвидетельствуйте человечеству то, что увидят ваши глаза. Я кончил!

Это было последний, исполненный мужественного достоинства монолог нашего директора.

Он быстро взошел на площадку и сел в кресло, положив ногу на ногу. Прозрачный колпак опустился, и тотчас же загорелась изумрудным светом сигнальная лампа: «Приготовиться!»

Установку включил сам профессор Гелюу, а мы с Джонни только следили за работой приборов, регулируя напряжение в отдельных узлах.

Мистер Скоундрэл был виден как на ладони, и на него мгновенно были направлены десятки фото- и телеобъективов. Он же сидел совершенно неподвижно, с чуть надменной усмешкой на тонких губах.

Но вот вспыхнула рубиновая лампа, и тотчас же щелкнули секундомеры.

Одна-две секунды, и мистер Скоундрэл бесследно растаял в пространстве.

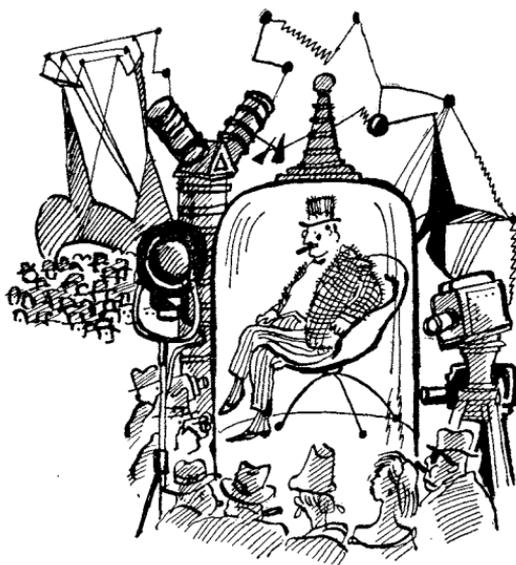
И вдруг раздался оглушительный, как пушечный выстрел, грохот, ослепительно вспыхнули и погасли сигналь-

ные лампы. Через мгновение включилась аварийная станция. Мы бросились к приборам. Короткий осмотр выяснил, что сгорели все предохранители, а вместе с ними и головной трансформатор. Виновником оказался грозовой разряд, который словно намеренно попал в цель. Ликвидация аварии потребовала не больше двадцати минут.

Собственно, скандал уже начался, но все узнали о нем немного позже.

Я забыл вам сказать, что оба конечных пункта, головной и хвостовой, вели непрерывные переговоры по селектору, и спустя минуту после грозowego разряда в рупоре микрофона раздался голос главного оператора из Нью-Генкса:

— Хэлло! Какого черта вы медлите с «начинкой»? Под колпаком только «обертка», то бишь я хотел сказать — костюм и детали туалета!

Сначала никто ничего не понял, и все с недоумением повернулись к рупору.

— Говорит Нью-Генкс! Что случилось, джентльмены? До сих пор не появилась телесная часть господина директора!..

Мне было жаль старого профессора — он стоял бледный и беспомощно глядел на приборный щит.

Шло время, была проверена вся цепь, но ничто не помогло — плоть мистера Сюондрэла рассеялась где-то в пространстве, оставив в хвостовой камере только предметы его изысканного туалета. При этом все вещи занимали такое пространственное положение, что казались на-

детьми на человеческое тело — их удерживали на месте невидимые магнитные силы.

Картинка: прозрачный колпак, под которым на удобном стуле сидят смокинг и брюки; сверху над пустым воротом рубашки реет цилиндр, а под ним, чуть ниже, монокль и, наконец, еще ниже — две пластмассовые челюсти.

Да, мистер Скоундрэл здорово увлеклся политикой, и она-то его сгубила!

Конечно, эту скверную историю использовал его конкурент из оппозиционной партии: он сразу же захватил инициативу, утверждая, что вся выставка готового платья, представленная в хвостовой камере, не больше, чем предвыборный жульнический фокус и что директор затеял его с целью привлечь к нему внимание, а затем смылся и увез в Европу все дивиденды фирмы...

Газеты подхватили и стали раздувать эту историю, усматривая в ней таинственную интригу некоей заокеанской иностранной державы. Но все это меркнет перед сценой, которая разыгралась в нашей лаборатории на другой день.

Я и Джонни возились около проклятой установки, пытаясь что-то наладить, хотя нам было ясно, что ни черта не выйдет. Профессор, грустно опустив голову, слушал вице-президента мистера Бенде, который отчитывал его, как мальчишку.

Вдруг распахнулась дверь, и в зал ворвалась разъяренная дама. Признаться, мы изрядно струхнули: такое было у нее лицо...

— Кто из вас Гелоу? Вы, сэр? Ну что ж, вы ответите мне за моего Дональда вашей лысой башкой!

Дама испепелила старика глазами, а потом повернулась к вице-президенту.

Тот молча показал рукой в сторону хвостовой камеры. Миссис оглянулась и замерла на манер Доротей...

Тут я должен сделать маленькое разъяснение: ночью же была доставлена к нам хвостовая половина установки, вместе с креслом и атрибутами туалета бывшего директора.

— Что это такое, сэр?

— Мэм, я не могу вам предложить ничего иного, — извинился вице-президент.

— Что? — грозно спросила леди. — Вы предлагаете мне

взамен моего супруга, полноценного мужчины ростом в шесть футов и три дюйма, с весом в девяносто килограммов, вот эту грудку старого тряпья? Нет, сэр, не выйдет! Понимаете ли вы, старый верблюд, в какое я поставлена положение? Кто я теперь — жена или вдова?

Вы думаете, этим окончилось дело? Нет, она не только отказалась взять себе на память одежду президента, но с помощью адвоката возбудила в суде обвинение в убийстве и предъявила компании иск о возмещении убытков.

Миссис Скоундрэл сделалась героиней дня. Фотографии ее не сходили со страниц журналов и газет.

Не прошла мимо сенсационного происшествия и церковь, объявив о том, что, по мнению ее духовных вождей, мистер Скоундрэл не мог попасть никуда, кроме царствия небесного, где и пребывает в блаженстве. Вещи его были помещены в раку и привлекли к себе целую толпу жаждущих исцеления паломников. Что же касается меня и Грендфула — нас просто уволили с работы...

Прошло некоторое время. Вопрос о том, куда исчезла плоть мистера Скоундрэла перестал занимать умы наших соотечественников и прессу. Произошло, правда, еще одно событие, на первый взгляд не имеющее ко всей этой истории прямого отношения, но о нем нелишне упомянуть.

Ходили слухи, что где-то в Тихом океане на архипелаге Тиу-Тиу примерно в то же время, когда произошло несчастье с мистером Скоундрэлом, случилось совершенно неправдоподобное происшествие. Во время сильной грозы над одним из атоллов в берег лагуны ударила шаровая молния, и на глазах у перепуганных аборигенов появился, буквально из ничего, совершенно голый мужчина средних лет, тут же разразившийся нечеловеческой бранью. По мнению туземцев, так мог ругаться только злой дух.

Свидетели этого «чуда» в паническом страхе попрятались по своим хижинам.

Дальнейшая судьба «Злого духа» неизвестна.

